

ИСТОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 930.1(09)

ДИСКУССИЯ М.П. ПОГОДИНА И М.А. МАКСИМОВИЧА ПО ВАРЯГО-РУССКОМУ ВОПРОСУ

© Сергей Владимирович ПАШКОВ

Липецкий государственный педагогический университет,
г. Липецк, Российская Федерация, аспирант, кафедра
отечественной истории, e-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Одним из самых актуальных в исторической науке является варяго-русский вопрос. В связи с богатой историографией проблемы все более важной становится ее тщательная разработка. В частности, показательными являются дискуссии крупного историка-норманиста XIX в. М.П. Погодина, в ходе которых он сделал ряд существенных уступок оппонентам. Одним из малоизученных и мало привлекавших внимание является его спор с антинорманистом М.А. Максимовичем. Данная статья может в какой-то мере восполнить этот пробел. В ней акцентировано внимание на том обстоятельстве, что дискуссию организовал сам Погодин на страницах издаваемого им журнала «Москвитянин», предоставив место для публикации ответа оппонента. Этот момент следует рассматривать как важный историографический факт. В работе кратко изложены взгляды Погодина и Максимовича на те аспекты варяго-русского вопроса, по которым их воззрения разошлись. Речь идет о проблеме происхождения имени «русь», об этносе варягов и руси, об интерпретации отечественных и иностранных сведений, освещающих вопрос, о лингвистическом материале. В заключение указано место дискуссии в эволюции взглядов Погодина на варяжскую проблему.

Ключевые слова: М.П. Погодин; М.А. Максимович; варяго-русский вопрос; норманизм.

В первой половине XIX в. в российской науке при решении такой актуальной и важной проблемы отечественной истории, как варяжский вопрос, господствовала норманская теория. Одним из ее главных представителей был крупный ученый М.П. Погодин (1800–1875). Его магистерская диссертация «О происхождении Руси» (1825) стала, по оценке К.Н. Бестужева-Рюмина, «лучшим сводом главнейших доказательств норманизма» [1, с. 239].

Однако со временем Михаил Петрович корректировал и изменял свои взгляды на отдельные аспекты проблемы, придя в конечном итоге к выводам, противоречащим главному утверждению его концепции о германской природе варягов. Внутренняя противоречивость и эволюция воззрений этого замечательного исследователя варяго-русского вопроса является показательной в целом, если мы говорим о судьбе норманизма в науке. Именно поэтому становится актуальным изучение проблемы определения причин изменения Погодиным своих убеждений и

того конкретного пути, который привел его к выводам, подрывающим отстаиваемый им основной тезис.

Главным фактором, стимулировавшим научные поиски ученого и заставлявшим его вновь и вновь пересматривать свои идеи и выдвигаемые для их обоснования аргументы, были дискуссии, инициатором которых он выступал. И для решения поставленной проблемы необходимо изучить их все, в т. ч. и те, в ходе которых Погодин не делал уступок оппонентам.

В данной работе рассматривается его полемика с другом по Московскому университету М.А. Максимовичем (1804–1873), который здесь же работал некоторое время. В 1834 г. он перешел в недавно открытый Киевский университет, где был ректором и преподавателем (на кафедре русской словесности).

Господство норманской теории в своих крайних формах («ультранорманизм шлецевского типа» по определению 1931 г. В.А. Мошина [2, с. 24, 70]), с одной стороны, и все более возраставший интерес к истории

славянства – с другой привели в первой половине XIX в. к появлению антинорманистских работ, выводы и аргументация которых заставляли сторонников скандинавского происхождения варягов отказываться от ряда существенных для них утверждений. Одной из них был труд Максимовича «Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским», увидевший свет в 1837 г. в Киеве. Уже тогда Погодин начал писать рецензию («письмо к сочинителю»), однако завершил и опубликовал ее в 1841 г. в издаваемом им журнале «Москвитянин». Одновременно он предоставил слово Максимовичу для ответа, тем самым очень умело и удобно для заинтересованной аудитории организовав полемику на страницах собственного издания. На антикритику друга Погодин также напечатал ответ. В 1846 г. во втором томе «Исследований, замечаний и лекций о русской истории» при обзоре всех основных мнений антинорманистов Михаил Петрович более подробно рассмотрел идеи Максимовича, и поэтому для более полного анализа дискуссии необходимо рассмотреть и этот труд как ее часть.

Следует особо подчеркнуть значение действий Погодина в 1841 г. и поставить их ему в заслугу, поскольку они характеризуют его как корректного ученого, осознающего необходимость озвучить и донести до читателя противоположную точку зрения как для оживления интереса к проблеме, так и для пользы науки в целом. Сам Михаил Петрович, объясняя свои намерения, говорил: «Я хотел основать в своем журнале критику в новом духе, т. е. критику беспристрастную и, сколько возможно, дельную... С этой целью, для примера, я избрал темой сочинения близких мне людей». Отметив спокойное отношение Максимовича к критике, Погодин заключает: «Да и как могло быть иначе: кто предан науке, кто любит истину, тот принимает речь об ней с любовью, как бы она ни была высказана» [3, с. 211].

Рассмотрим утверждения Максимовича, вызвавшие возражения Погодина. Ученый в 1837 г. справедливо указал на тот вопрос, который не могли разрешить норманисты в рамках своих построений и «который так важен для нашей истории... на который она, при всем многообразии соображений и мнений своих, дает ответы решительные, но

не дала еще решения окончательного». А именно: «...от кого досталось народу и языку нашему имя руси, объединившее собою восточных словен, вошедших в состав России?». Сам Максимович, выделив в составе западных славян «северо-западных или вендских», заявил: «Сюда же я причисляю и бывших там руссов и других варягов словенского племени...» [4, с. 9].

Погодин же, не находя ответа на эти вопросы в рамках норманской теории, объявлял их в рецензии 1841 г. несущественными: «Имен общих у них сначала не было, и потому нечего толковать о руси, и даже о славянах!.. Сами народы давали себе общие имена уже в позднейший период своей истории, по мере распространения, завоевания!». И заключал: «От чего происходит имя руси? Вопрос любопытства, не более. А от чего происходит имя Москвы, имя Парижа, имя франков, Галлии? Вопросы без ответов». Но вместе с тем он тут же утверждал: «Народу какого происхождения принадлежало это имя? А! Вопрос о происхождении – вопрос важный: узнав, кто была русь, я узнаю новую стихию, которая вошла в состав нашего народа и зачала в недрах его нынешнее русское государство...» [5, с. 233-234].

Максимович в 1837 г. справедливо указывал, что основным источником по начальной истории Руси является Повесть временных лет (ПВЛ): «...мы удовольствуемся для нашей цели своими русскими писателями, особенно Нестором, и непосредственно из них самих (соображая по возможности и с иноземными писателями) изложим: как думали у нас на Руси о руссах и варягах, сих первостепенных делателей в начале земли Русской?» [4, с. 15-16].

Он констатировал, что ПВЛ не дает прямого ответа на вопрос об этносе варягоруши: «...в позднейших списках летописи... относительно слова русь находятся разногласия: продолжатели изменяли текст, каждый по своему разумению, о руси – так, что при их сличении находите обоюдность весьма выгодную для исторических систем, видите только разные мнения переписчиков средних времен, и не можете определить, прямо и непосредственно из них, как думал и как хотел сказать сам Нестор...» [4, с. 39-42].

Полагая, что в ПВЛ «варяжская русь показана вообще на прибалтийском западе, за

поморянами или за Одером» и «по соображению сего показания с его словами, “идоша за море к руси”», Максимович обосновывал мнение, «что это, скорее всего, могли быть ружане или руссы острова Ругена, лежащего недалеко от южной Ютландии». Максимович обосновывал их славянскую природу: «За Одером жили руссы, под разными видоизменениями своего имени... но из всех их, а может быть и для всех их, у Нестора только одно имя – русь...». И ближайшими «к нам и к поморянам руссами были ружане, жители острова Ругена». Тщательно проанализировав сведения летописи, ученый также пришел к выводу, что «западные варяги на южном поморьи по Нестору начинаются там, где кончаются поморяне (собственным именем означенные и причисленные к ляхам) и простираются на запад до земли волошской (Франция)». А на этом пространстве «от Одера к Эльбе... сплошь от поморян жили также народы словенские». Поэтому «и видно, что к варягам относятся у Нестора эти словенские народы» [4, с. 28, 30-31].

В 1841 г. Погодин доказывал норманское происхождение варягов-руси, но не касался рассуждений Максимовича в пользу их славянской природы. Однако при разборе его взглядов в 1846 г. он оспаривал мысль оппонента о славянстве руссов, указав на то обстоятельство, что в ПВЛ не говорится об этом прямо: «Из Нестора ясно, что русь были не славяне: он исчислил все главные славянские племена, жившие в Европе, и ни слова об руси, хотя было у него двадцать случаев для этого. (По мнозех же временах сели суть словени на Дунаеви... от тех словен розыдышася по земле и прозвашася имени своими и проч.). Напротив, везде по ходу его речи видно, что он отделяет варягов-русь от славян и никогда их не смешивает. Если б варяги и русь принадлежали к славянам, то без сомнения он сказал бы это, и не оставил такого недоразумения». Но при этом тут же Михаил Петрович признал присутствие варягов на южнобалтийском побережье: «Варяги, следовательно, по Нестору начинаются за всеми ляхами, из которых он исчислил некоторых, т. е. в Дании, что касается до этого берега Балтийского моря» [6, т. 2, с. 187-189].

Максимович в 1837 г. полагал, однако, что именем варяга «в Несторовой повести о внутренних событиях Русской земли озна-

чаются собственно скандинавы» [4, с. 48]. Приняв эту точку зрения, он считал также, что «варяжские имена наших первых князей: Рюрик, Трувор, Олег, Игорь, Аскольд – имена других находников варягов, суть не словенские, а скандинавские», как «и между послами в Олеговом договоре» [4, с. 32-33]. В итоге его концепция с утверждением о славянском происхождении руссов и преимущественно скандинавском варягов оказалась противоречивой.

Последнее утверждение способствовало принятию ученым одной из идей норманской теории: «А как в то время усиления норманских походов, волком рыскал по северу-западу сын короля ютландского Гальфдана Рорик или Рерик, и сказания о нем западных летописей замечательно совпадают с повествованием Нестора о князе Рюрике; то и можно почти наверное положить, что сей Рорик и наш князь Рюрик были одна и та же особа» [4, с. 28].

Однако норманист Погодин не принимал это утверждение некоторых своих единомышленников. В ответ на рассуждение Максимовича он в 1841 г. восклицал: «Можно ли толковать произвольнее?» [5, с. 232]. Впоследствии в 1846 г., разбирая это мнение, Погодин показал, что в случае отождествления Рорика с Рюриком невозможно примирить хронологию. Он также заметил: «Новгородцы искали себе князя защитника – какую же пользу приносил им... Рюрик, воевав во все время 864–876 в Германии?». Михаил Петрович заключал, что «противоречий слишком много во всех показаниях немецких летописей», поэтому «нельзя из Рюрика немецких летописей составить одно лицо с несторовым Рюриком» [6, т. 3, с. 35-38].

Рассмотрим теперь, как в 1841 г. Максимович отвечал на аргументы Погодина в пользу своей концепции, высказанные им в рецензии. В пользу своей теории Михаил Петрович приводил в 1841 г. следующее свидетельство ПВЛ: «Нестор говорит: новгородцы пошли к варягам-руси, которые так называются русью, как другие шведами, третьи англичанами, четвертые датчанами, пятые готами, шестые урманями (норвежцами)». Поэтому, заключает он, «русь были варяги, и прибавь вот что: такие же варяги, как шведы, датчане, англичане, готы, норвежцы», «такие же – вот в чем дело» [3,

с. 212-213]. В 1846 г. историк также повторял: «...если б Нестор не хотел указать на происхождение, на племя своих варягов-руси, то к чему бы прибавлять ему всех этих шведов, готов, англичан: новгородцы пошли к варягам-руси – вот и все, что сказал бы он», «почему не прибавил он сюда каких-нибудь вильцев или ободритов» [6, т. 2, с. 109-110].

Обращаясь к сведениям о призвании варяжских князей, Максимович еще в 1837 г. опровергал один из основных аргументов норманизма: «Но из этих слов его видно только то, что он варягами называл не одних шведов, норвегов, англян и готов (народы немецкого племени), но также и русь; однако совсем еще не следует из сего оного места, чтобы руссы были и племени скандинавского, а кроме сего ни откуда уже более из Нестора того не следует!» [4, с. 20-21]. Ученый говорил, что руссы «на севере могли именоваться варягами, причисляться к ним и не быв соплеменниками прочих варягов; но по общему пребыванию их на Варяжском море – по одинаковому с ними на море том образу жизни варяжскому...» [4, с. 50-52].

В 1841 г. Максимович повторял: «Я также, как и ты, считаю имена варяги и норманны однозначительными: оба они составляют общее имя народов, живших на прибалтийском севере Европы; но они не означают племенного отличия, точно так, как имя сибиряка, горца показывает только географическое место народа, без различия какого он племени – монгольского, турецкого, черкесского, словенского». Ученый упрекал тогда же Погодина за мнение об однозначном свидетельстве ПВЛ в пользу норманизма: «Не говори же, по крайней мере, что “всякий, желающий опровергать твое мнение, должен непременно прежде опровергнуть Нестора”» [7, с. 199-202].

В 1837 г. Михаил Петрович в учебнике для гимназий (первое издание 1835 г.) говорил, что «норманны есть имя собирательное для всех племен, обитавших по берегам Немецкого и Балтийского морей, немецких, финских, латышских, славянских; преимущественно же означались ими жители Швеции, Дании и Норвегии». Поскольку достоверным является факт прихода варягов-руси «к нам от севера с берегов Балтийского мо-

ря», то, следовательно, они «принадлежали к числу норманнов» [8, с. 4-5].

Максимович в 1841 г. поймал Погодина на его собственных словах и показал, что они совпадают с его взглядами: «...ты сам, в твоей русской истории, признаешь разноплеменность варягов или норманнов, и говоришь, что так назывались и словены, и финны, и скандинавы, жившие при Балтийском море. Таким образом, и по твоему утверждению, были варяги и норманны, одни скандинаво-немецкого племени, другие славянского, третьи чудского или финского» [7, с. 200].

В 1846 г. Михаил Петрович, говоря о мнении о славянском происхождении варягов-руси, признавался: «Я сам был несколько времени эпизодически, среди моих двадцатилетних разысканий об этом предмете, под влиянием этого мнения... Но лишь только оборотился вновь к источникам, то и утвердился в прежних своих мыслях». И вспомнив, как оппонент использовал против него изложенную им точку зрения в учебнике, но не найдя объяснения указанной противоречивости своих взглядов, он с некоторым раздражением сказал: «Максимович привязался однако ж к сим словам, и объявил, что я принимаю славянское происхождение варягов-руси» [6, т. 2, с. 184].

Михаил Александрович в 1841 г. отметил манеру норманистов использовать источники: «Но у вас, поборников скандинавского учения о руси, так уже настроена мысль, что как только найдете где-нибудь слово норманны, или варяги, или руссы, то вам тотчас и видятся скандинавы» [7, с. 200]. В качестве примера он, обращаясь уже к разбору другого основного аргумента норманистов – иностранных источников, – приводил толкование свидетельства арабского географа, историка IX в. ал-Йа'куби (в то время в науке известен под именем Ахмед-эль-Катеб): «...в 844 году Севилла была разграблена язычниками, называемыми русь. Приверженцы скандинавского учения тотчас уже и говорят: вот, новое доказательство скандинавского происхождения руси! Но почему же эти Катебовы язычники руссы были непременно из заморья скандинавского – почему, например, не с поморья Балтийского, где также были варяги или норманны...» [7, с. 201].

В 1846 г. Погодин, вернувшись к этому вопросу, вновь не принял во внимание мысли оппонента о широком понимании термина «норманны»: «Здесь дело идет ни о заморье, ни о поморье, а о том, что Севилла в 844 г. по известию араба была разграблена руссами, а по известиям всех западных летописей – норманнами, скандинавами. Кого одни летописатели называют руссами, тех другие называют норманнами. Следовательно, заключаем мы, руссы были норманны» [6, т. 2, с. 130].

Максимович в 1841 г. опровергал еще один аргумент норманистов, основанный на свидетельстве кременского епископа, итальянского дипломата и историка Лиутпранда (X в.), который, «говоря об Игоревых руссах, сказал, что они называются еще норманнами». Эти слова «показывают только северное происхождение их и не значат ничего, как доказательство, что руссы были племени немецкого, ибо в них ничего о сем не говорится» [7, с. 202]. Михаил Петрович тогда же возражал: «...Лиутпранд называл руссов наших норманнами, а норманнами назывались у него по преимуществу шведы, датчане, норвежцы...» [3, с. 213].

Однако некоторые аргументы Погодина Максимович согласился признать. Он в 1841 г. не оспаривал германского происхождения ряда слов, встречающихся в древнерусских памятниках, и полагал, что «они могли быть заимствованы нами и другими словенами от немцев». Однако этот аргумент ученый характеризовал как «соломинку в числе доказательств скандинавского происхождения руссов» [7, с. 203]. Погодин не преминул в ответе еще раз привести лингвистический материал: «Все почти слова у наших славян, которые относятся до гражданского управления, из которых я указал только на тиун, вервь, губа, вира, суть чисто норманно-немецкие, следовательно, заключаю, было время, когда какое-то немецкое племя господствовало над нашими славянами, управляло по-своему и ввело у них в употребление свои слова» [3, с. 214].

Максимович также признавал мнение оппонента о природе имен деятелей древнерусской истории: «Ты говоришь: докажите мне, что собственные имена Рюрика, Трувора, Игоря, Олега, Свенельда, Руальда не суть имена норманские». Михаил Александрович

думал, что приведенные «имена не только норманские, но и немецкие; из них видно, что Рюрик со своим родом был из варягов немецких; но из того еще не следует, чтобы и руссы, пришедшие в Новгород под знаменами Рюрика... были также норманны немецкого племени» [7, с. 205]. Погодин поймал оппонента на этих словах: «Довольно, довольно – об чем же нам спорить? Все прочее я уступаю тебе, позволяю на вербовать ему в войско сколько угодно тебе славян балтийских... и буду с нетерпением ожидать твоих доказательств, почему из “этого еще не следует...”» [3, с. 215-216].

Однако последний аргумент Погодина Максимович использовал для подтверждения своей концепции: «Ты говоришь: “докажите мне, что действие, приемы, осанка, походка наших варягов-руси не суть норманские”». Но, возражал он, «если, по твоим же словам, к числу варягов или норманнов принадлежали и прибалтийские словены; то у них приемы, действия и проч. без сомнения были также норманские, следовательно распространение на нашем киевском юге мореходно-воинского норманского быта могло произойти от поморских норманнов словенского племени (каким я признаю руссов)...» [7, с. 203-204].

Таким образом, Максимович оспорил аргументы Погодина в пользу норманской теории, предложил ряд вопросов, на которые оппонент не дал ответа в рамках своей концепции. Однако его концепция оказалась противоречивой, поскольку ученый утверждал мысль о славянской природе руссов и преимущественно скандинавской варягов и отождествил Рюрика с сыном ютландского короля. Погодин воспользовался этим и акцентировал внимание на тех положениях оппонента, которые служили подтверждением его собственных взглядов либо не согласовывались с другими идеями Михаила Александровича. Поэтому в рамках данной дискуссии Михаил Петрович не сделал существенных уступок. Это была одна из многих полемик, которые вел Погодин в течение своей научной деятельности, и ее следует рассматривать как один из этапов того процесса воздействия антинорманистской критики на воззрения Михаила Петровича, который в итоге привел к их существенной корректировке в сторону позиций противников.

1. *Бестужев-Рюмин К.Н.* Биографии и характеристики. Спб., 1882.
2. *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / сост. и ред. В.В. Фомина. М., 2010.
3. *Погодин М.П.* Ответ // Москвитянин. М., 1841. Ч. 3. № 5. С. 211-216.
4. *Максимович М.А.* Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой повести и по другим старинным писаниям русским // Максимович М.А. Собрание сочинений: в 3 т. К., 1876. Т. 1.
5. *Погодин М.П.* Откуда идет Русская земля, по сказанию Несторовой летописи и по другим писателям русским, сочинение М. Максимовича. Киев, 1837 // Москвитянин. М., 1841. Ч. 2. № 3. С. 219-234.
6. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции о русской истории: в 7 т. М., 1846.
7. *Максимович М.А.* Письмо к издателю // Москвитянин. М., 1841. Ч. 3. № 5. С. 198-211.
8. *Погодин М.П.* Начертание русской истории для гимназий. М., 1837.
1. *Bestuzhev-Ryumin K.N.* Biografii i kharakteristiki. Spb., 1882.
2. *Moshin V.A.* Varyago-russkiy vopros // Varyago-russkiy vopros v istoriografii / sost. i red. V.V. Fomina. M., 2010.
3. *Pogodin M.P.* Otvet // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 3. № 5. S. 211-216.
4. *Maksimovich M.A.* Otkuda idet Russkaya zemlya, po skazaniyu Nestorovoy povesti i po drugim starinnyim pisaniyam russkim // Maksimovich M.A. Sbranie sochineniy: v 3 t. K., 1876. T. 1.
5. *Pogodin M.P.* Otkuda idet Russkaya zemlya, po skazaniyu Nestorovoy letopisi i po drugim pisatelyam russkim, sochinenie M. Maksimovicha. Kiev, 1837 // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 2. № 3. S. 219-234.
6. *Pogodin M.P.* Issledovaniya, zamechaniya i lektzii o russkoy istorii: v 7 t. M., 1846.
7. *Maksimovich M.A.* Pis'mo k izdatelyu // Moskvityanin. M., 1841. Ch. 3. № 5. S. 198-211.
8. *Pogodin M.P.* Nachertanie russkoy istorii dlya gimnaziy. M., 1837.

Поступила в редакцию 16.12.2013 г.

UDC 930.1(09)

DISCUSSION OF M.P. POGODIN AND M.A. MAKSIMOVICH ABOUT VARANGIAN-RUSSIAN QUESTION

Sergey Vladimirovich PASHKOV, Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russian Federation, Post-graduate Student, Domestic History Department, e-mail: 21290@griazy.lipetsk.ru

Varangian-Russian question is one of the most actual in the historical science. Its careful design becomes very important due to the rich historiography of the problem. In particular, the discussions of major historian-normanist of 19th century M.P. Pogodin, during which he made a number of significant concessions to opponents are significant. One of the little-known and attracted little attentions is its dispute with antinormanist M.A. Maksimovich. This article may to some extent fill this gap. It focused attention on the fact that the discussion was organized by Pogodin on pages of his magazine "Moskvityanin". He provides a place to publish the answer of the opponent. This point should be considered as an important historiographical fact. The work summarizes the views Pogodin and Maksimovich on those aspects of Varangian-Russian question, on which their views diverged. This is the problem of the origin of the name "Rus" about the ethnic group of Varangians and Russian, about the interpretation of domestic and foreign information, covering the question, about linguistic material. In conclusion, it points the place of the discussion in the evolution of views Pogodin on Varangian problem.

Key words: M.P. Pogodin; M.A. Maksimovich; Varangian-Russian question; normanism.